

Мы не отдохнули. И уже не надеемся | We have not rested. And no longer hope to

Auteur: Александр Минкин, [Женева](#) , 17.06.2013.

Сцена из спектакля "Дядя Ваня" Театра им. Евг. Вахтангова
Одновременно с труппой Театра имени Вахтангова в Женеве побывал на прошлой неделе Александр Минкин, известный журналист «Московского комсомольца» и, как выяснилось, страстный театрал. Перед отъездом в Москву он записал свои впечатления от спектакля и от услышанных реакций на него – специально для Нашей Газеты.ch.

Alexandre Minkin, a famous Moscow journalist, was in Geneva last week together with the Vakhtangov's Theater. Before leaving, he shared his impressions from the play and reactions by local public - specially for Nasha Gazeta.ch.

We have not rested. And no longer hope to

В Женеве давали «Дядю Ваню». Он приехал из Москвы со своей дурой-маман,

несчастной Соней, с несбывшимися мечтами и в полном отчаянии. «Погибла жизнь! Я обманут! Глупо обманут!»...

В финале Соня, рыдая, кричала знаменитое «Мы отдохнём!», но дядя Ваня не слушал её, не слышал, он уже почти умер. Соня управляет с ним, как с мёртвым телом: поднимает, поворачивает, пальцами открывает ему глаза, растягивает губы в неживую улыбку...

Часть публики была возмущена спектаклем: «Это не Чехов! Безобразие! Чернуха!!! Антон Павлович вовсе не это имел в виду!»

Публика (как и дядя Ваня) удручена беспросветностью. Но ведь Соня не обманывает! Она же не обещает отдых и пение ангелов здесь, в этой жизни. Она прямо говорит: только «там», за гробом, мы обрадуемся и увидим всё небо в алмазах. А зритель, понятное дело, не хочет ждать так долго да и без гарантий...

Какая разница, что «имел в виду» Чехов. Кто отважится утверждать, что в точности знает мысли Чехова. Да, возможно, он писал всего лишь о терзаниях интеллигента, гибнущего в захолустье. Но мы – сегодня – не можем притвориться, будто между Чеховым и нами не лежит как болото, не разверзся как пропасть, не стал стеной XX век. Какая разница, что «имел в виду» Чехов. Кто отважится утверждать, что в точности знает мысли Чехова. Да, возможно, он писал всего лишь о терзаниях интеллигента, гибнущего в захолустье. Но мы – сегодня – не можем притвориться, будто между Чеховым и нами не лежит как болото, не разверзся как пропасть, не стал стеной XX век.

Пьеса «Дядя Ваня» – Россия, 1896.

Спектакль «Дядя Ваня» – Женева, 2013.

Это не другая планета, это другая галактика (неужели в доказательство надо приводить трюизмы: холокост, интернет и др., и пр.).

Дядя Ваня (у Чехова) горюет, что не влюбился пока был молодой, что не стал «Шопенгауэром»...

Но кто же из советских и послесоветских людей не стонет: «Погибла жизнь! Я обманут! Глупо обманут!»... Здесь и несбывшиеся надежды на торжество демократии, и украденные мечты, и тоска эмигранта, и «отчаяние при виде всего, что совершается дома» (Тургенев, самое хрестоматийное стихотворение в прозе).

А аборигены Западной Европы? Разве сытая аккуратная правильная жизнь конца XIX века обещала им концлагеря, мировые войны, однополые браки, нашествие арабов и мусульман? И если европеец не стонет вслух «я обманут», то это просто вежливость, сдержанность, соблюдение приличий. Мы же не знаем его мучительных мыслей. Нам даже кажется, будто их нет вообще. («Дураки иностранцы ходят по магазинам и никогда ни о чём не думают» – так мы смотрим на них, а они на нас.)

«Чернуха!» – говорит мне солидный господин, с которым мы вчера сидели рядом на спектакле Вахтанговцев, а сегодня пьем в русской миссии на приеме в честь Дня России. (Разговаривать трудно, «Калинка-малинка» XIX века в динамиках XXI века

звучит оглушительно; мы не говорим, кричим; от этого в голосе само рождается ожесточение.)

Солидный господин (а других в посольство не приглашают) объясняет:

– Эти люди (*персонажи пьесы*) абсолютно благополучны, у них 26 комнат, они не голодают, не мёрзнут. На что они жалуются?!

Собеседник прав. С точки зрения Шаламова («Колымские рассказы») все чеховские персонажи абсолютно счастливы. Но в том-то и дело, что они не в ГУЛаге! Как только человек хоть немного сыт, его начинают раздирать душевные мучения: зависть, ревность, гордость, совесть... А кого не раздирают, тот, скорее всего, не человек.

Как только человек хоть немного сыт, его начинают раздирать душевные мучения: зависть, ревность, гордость, совесть... А кого не раздирают, тот, скорее всего, не человек. Видя чужую боль, иногда понимаешь свою неблагодарность (по отношению к небесам). Вот за окном твоей машины промелькнул скрюченный калека в инвалидном кресле, лицо его искажено непрерывным страданием. Невольная мысль: как же я – рядом с таким горем! – смею жаловаться на судьбу? ...Ничего, калека через секунду забудется, а личная карьерная неудача опять заслонит небеса.

... Некоторые дамы и господа недовольны. Мол, откуда этот надрыв? Зачем достоевщина и какое-то «на дне»? Ведь это Чехов, а не социалист и пр.

Извините, что помешали. (Хотел написать «извините, что помешали пищеварению», но удержался.)

Давайте, не будем ссориться. Мы смотрим спектакль, а не музейную экспозицию на тему «быт и нравы помещичьей усадьбы XIX века. Никто толком не знает, что думал уездный доктор в 1890-х.

Давайте послушаем, что он говорит. И посмотрим, что он делает.

– Дай мне что-нибудь! – умоляет доктора Астрова страдающий дядя Ваня.

Они замолкают.

Долгая пауза, дающая зрителям редкую возможность думать самим.

Тем временем доктор расчищает место на столе, достаёт стальной бикс из саквояжа; дядя Ваня высоко засучивает рукав, обнажая локтевой сгиб; из шприца брызгает струйка, начинается внутривенное вливание. Астров медленно давит на поршень и – после паузы – начинает звучать текст... Да, он написан 120 лет назад, но прочтите его как сегодняшний.

АСТРОВ. Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, – те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми (*мы нашли, конечно, нашли! шприцы валяются где попало.—А.М.*). А у нас с тобою только одна надежда есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих

гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные. Да, брат. Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями травила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все.

Если вам кажется, что всё это чернуха и не про нас, – вам крупно повезло. Даже в театр ходить не надо.

[Чехов](#)

[дядя Ваня](#)

Статьи по теме

[«Мы отдохнем...» ?](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/15767>